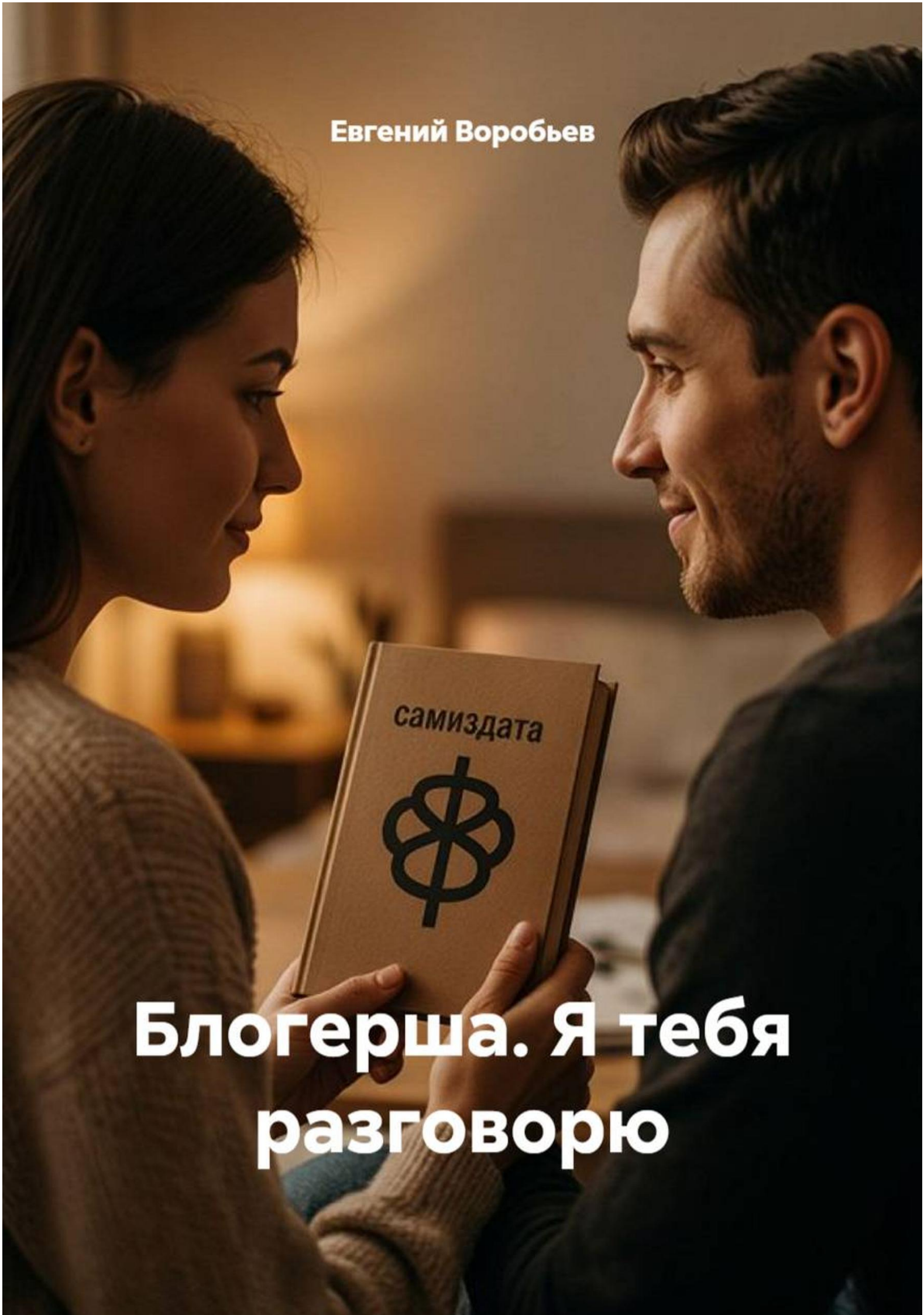

Евгений Воробьев
самиздата
Блогерша. Я тебя разговорю

Евгений Воробьев

Блогерша. Я тебя разговорю

«Автор»
2026

Воробьев Е.

Блогерша. Я тебя разговорю / Е. Воробьев — «Автор», 2026

Это не медицинская драма и не «трогательная история про дедушку». Это честный, иногда дискомфортный разговор о том, как цифровая эпоха учит нас показывать заботу, но не практиковать её. О том, как легко перепутать искреннее желание помочь с потребностью в контенте, в реакции, в ощущении собственной значимости. И о том, что настоящее присутствие — просто сесть рядом и молчать — часто труднее, чем снять вирусный ролик.Книга будет особенно полезна тем, кто сталкивался с уходом за близкими после тяжёлых заболеваний, но написана она так, что трогает и тех, кто с этим не знаком: потому что конфликт между «быть вместе» и «быть рядом» универсален.

© Воробьев Е., 2026
© Автор, 2026

Блогерша. Я тебя разговорю

Блогерша. Я тебя разговорю.

Глава 1. «Тишина в палате»

Это началось, когда чёрный ферзь уже стоял под боем — партия была почти выиграна, но Борис Петрович вдруг посмотрел на доску как-то странно, будто видел её впервые. Его лицо исказила ассиметричная гримаса. Пальцы, державшие фигурку, разжались. Она глухо стукнула по клетке и замерла. Борис Петрович попытался встать, но вместо этого просто соскользнул со стула и замер на полу.

Он не сказал ни слова.

— Деда? — я подняла глаза от телефона. — Ты чего?

Он открыл рот. Серебристая ниточка слюны потянулась к подбородку. И всё.

Сердце провалилось куда-то под рёбра. Я не понимала, что происходит, — вообще ничего не понимала, — но тело уже действовало за меня. Телефон едва не выпал из рук. Пальцы судорожно тыкали в экран, набирая 112. Я кричала в трубку — что именно, не помню. Помню только ровный, невозможно спокойный голос диспетчера:

— Не перекладывайте. Положите набок. Ждите.

Я смотрела на деда и ждала. Глаза у него были открытые, живые, злые даже — как всегда, когда я проигрывала и начинала спорить, что он жульничает. Но рот не закрывался. И звука не было. Ни одного. И от этой тишины меня начало трясти — мелко, противно, всем телом.

Двенадцать минут. «Скорая» ехала двенадцать минут. Всё это время, я смотрела на экран, подгоняя неторопливые цифры.

В больнице меня пустили к нему не сразу. Я металась по коридору, пахнущему хлоркой и чужим страхом, и злилась — глупо, бессмысленно — на охрану, на медсестру, на весь мир. Наконец вышел молодой врач в очках с толстыми стёклами и заговорил со мной, как с медиком: «Ишемический инсульт в бассейне…и что-то там ещё». Я кивала. Не понимая ни слова. Язык медицинский, а я гуманитарий до мозга костей — и вот сейчас это было не плюсом, а минусом, потому что я не могла даже перевести то, что случилось с моим дедом, на язык человеческий.

— Говорить он будет? — голос дрогнул. Чёрт, ну конечно, дрогнул. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони — больно, хорошо, хотя бы что-то настоящее.

Врач помолчал. Задумчиво поправил очки.

— Речь потеряна почти полностью. Моторная афазия. Понимает он вас, скорее всего, хорошо. А сказать ничего не может. Это, как если бы вы знали слово, а язык не слушался. Представьте: вы хотите крикнуть, а горло перекрыто.

Горло перекрыто. Мне стало физически плохо от этих слов. Борис Петрович — человек, который сорок лет учил детей русскому языку. И вот теперь — горло перекрыто.

— Но он поправится? — я почти прошептала.

— Восстановление возможно. Полгода, год, два. Нужно терпение. И ежедневные занятия: логопед, гимнастика, повторение звуков… Если повезёт.

— А если нет?

Вопрос вырвался сам собой. Я не хотела его задавать. Я знала, что не хочу получить ответ. Но он вырвался, и я уставилась на врача, как кролик на удава.

Он посмотрел на меня поверх очков. В этом взгляде читалось то, что он не произнёс вслух. А если нет — так и будет молчать. А вы будете гадать, что он хотел сказать.

— Ладно, заходите. Только недолго.

Палата была серая — как ноябрь за окном, как лицо деда, как моё состояние, всё подряд серое.

Борис Петрович лежал на боку, лицом к двери. Увидев меня, он попытался приподняться — левая рука не слушалась, правая нашла кнопку на поручне, но нажать не успела. Я бросилась к нему, схватила за руку — горячую, сухую, с набухшими венами. Сердце снова бешено колотилось, но я заставила себя дышать. Медленно. Вдох. Выдох.

— Деда, я здесь. Всё будет нормально, — голос прозвучал слишком бодро. Почти фальшиво. Я это слышала — и не могла остановиться.

Он смотрел на меня требовательно. Как на уроке, когда я в седьмом классе не выучила «Бородино» и пыталась отмазаться: «Ну, деда, ну, я была занята…» Его губы дрогнули, приоткрылись. Язык упирался в нёбо, в зубы, в щёки — он явно пытался произнести что-то простое, односложное: «А», или «да», или моё имя. Моё имя — Алёна, всего три слога, ну давай, деда, ну попробуй.

Ничего. Только выдох — сухой, шумный, похожий на треск старого динамика.

Я отвернулась к окну. За стеклом ноябрьский дождь смешивал свет фонарей с отражениями прохожих в лужах. Я не плакала. Я вообще редко плакала — даже когда мой первый ролик набрал сорок дизлайков и Костя написал в комментах, что я «бездарь». Мне было обидно, но я не плакала. А сейчас — нет, не плачу. Не плачу. Чёрт, не плачу.

— Мы сделаем это, — сказала я твёрдо, сжимая его руку. — Я тебя разговорю. Увидишь.

Дед закрыл глаза.

Я подумала, что он уснул. И обрадовалась — хотя бы спит, хотя бы отдыхает, бедный. Я посидела ещё минуту, осторожно положила его руку на одеяло, вышла.

Я не знала тогда, что он не уснул. Он просто перестал смотреть на меня — потому что в моём голосе не было ничего, кроме дешёвой бодрости. Он это сразу распознал. Учитель русского языка с сорокалетним стажем — он чуял фальшь за версту, даже когда не мог сказать ни слова.

А я не знала. И это было началом всего.

Глава 2. Тебе важны лайки, а не я

Поместить деда в больницу оказалось проще, чем выписать. Врач прочитал целую лекцию.

Я стояла у стойки и объясняла ему, как пятиклассница объясняет директору, почему прогуляла:

— Он не хочет пюре из пакетика. Он хочет селёдку под шубой. И… — я запнулась, потому что дальше звучало совсем глупо, — и чтобы кто-то послушал, как он ругается на современную молодёжь.

Врач устало улыбнулся. Кажется, он уже привык ко мне — к этой девочке, которая задаёт слишком много вопросов, но ни разу не расплакалась у него на глазах. Я и не собиралась плакать. Ну хотя бы не здесь. Не при нём.

— Глотательный рефлекс пока слабый. Твёрдую пищу нельзя. И с юмором осторожнее — он всё понимает.

Он всё понимает. Конечно, он всё понимает. Это хуже всего — понимать и не мочь ответить.

Я обернулась. Дед сидел на кровати, поджав губы. Взгляд у него был очень выразительный, точь-в-точь как у школьного завуча, застукавшего учеников за курением в туалете: без слов ясно — «пошла вон». Борис Петрович не мог произнести ни звука, но взгляд бил точно в цель. Как всегда. Чёрт, как всегда.

— Ладно, — я схватила пакет с вещами, стараясь не встречаться с ним глазами. — Поехали домой. Там разберёмся.

Квартира встретила нас запахом старых книг и чего-то давно забытого. Будто время здесь остановилось лет двадцать назад, и никто не осмелился его сдвинуть. В детстве я любила этот запах: он пах теми вечерами, когда дед читал Пушкина или рассказывал про войну. Сейчас

он казался мне запахом музея, где всё живое законсервировали и повесили табличку: «Руками не трогать».

Я усадила деда в кресло, положила перед ним блокнот и ручку.

— Будешь писать, если что-то нужно.

Борис Петрович взял ручку, подержал, будто взвешивая, потом молча положил обратно. Даже не «положил» — уронил. Как будто эта ручка оскорбляла его.

— Ну и ладно, — быстро сказала я, пряча неловкость за бодростью. — Обойдёмся без записок. Я и так всё пойму.

Я не поняла ничего.

Через час дед встал и пошёл на кухню. Не за чаем — просто чтобы доказать: он может передвигаться без моей помощи. Я метнулась следом. Он остановился, посмотрел — и я сама сделала шаг назад, будто получила выговор. Сердце дёрнулось, как от удара под рёбра.

— Извините, Борис Петрович, — буркнула я, снова пародируя ученицу. — Больше не буду бегать.

Он отвернулся к окну. Там снова пошёл дождь В его профиле читалась не физическая усталость — какая-то глубокая, почти бездонная тишина. Я стояла за его спиной и не знала, куда деть руки. Куда деть себя, если честно. Я привыкла управлять — камерой, аудиторией, контентом, своей жизнью наконец. А тут — ничего. Никакого контроля. Только его молчание и моё бессилие.

На третий день я решила: надо разговорить его по-свойски. Без давления, без блокнота. Просто — как раньше. Ну, или почти как раньше.

Я сидела с телефоном, листала ленту, и вдруг меня накрыло смехом — настоящим, не показушным, первый раз за эти дни.

— Деда, глянь! Кот на пылесосе пыль втягивает, а уши трясутся! Смотри, смотри!

Сунула телефон ему под нос. Борис Петрович посмотрел на кота. Потом на меня. Потом очень медленно перевёл взгляд на стену — так, будто на обоях было написано решение всех мировых проблем.

— Не смешно? — я слегка обиделась. — Ладно, вот другое: девушка упала с сапборда, подруга снимает и хохочет.

Тишина. Глухая, плотная, как вата.

— А это? Парень поёт «В траве сидел кузнечик» на похоронах, все плачут от смеха. Ржака же!

Дед повернул голову, посмотрел на меня, открыл рот. Я замерла — всё внутри сжалось, дыхание остановилось: сейчас что-то скажет, ну давай, деда, ну давай… Но он только выдохнул, покачал головой и снова уставился в стену.

— Ты чего молчишь? — в голосе прорвалось раздражение. Чёрт, я же обещала себе не злиться, но… — Я же стараюсь! Хочешь анекдот? Выходит мужик из леса, а медведь ему…

Борис Петрович резко поднял руку. Чёткий, учительский жест — «Замолчи». Я осеклась, будто мне выключили звук. Он указал на блокнот. Я протянула ручку.

Он вывел крупными, дрожащими буквами:

«НЕ ОРИ. Я НЕ ГЛУХОЙ»

Я прочла и застыла. Горло сжалось. В этих словах было не про громкость. В них звучало: «Я всё ещё здесь. Не надо со мной, как с ребёнком». И мне стало так стыдно, что захотелось провалиться сквозь пол — прямо в подвал, дальше, в подземелье, куда угодно, лишь бы не видеть его глаз.

На пятый день я сменила тактику. Мемы не работали — значит, нужна музыка. Алёна, ты креативный человек, ну подумай, что ему ещё может быть близко.

Подключила колонку, запустила плейлист. Сначала «Музыку дождя» — думала, успокоит. Дед сидел с каменным лицом, и я почувствовала себя диджеем на похоронах. Потом —

Высоцкого, «Охоту на волков». На секунду он ожил: губы шевельнулись, но звука не было. Он сжал подлокотники, закрыл глаза. Я смотрела на его руки — костяшки побелели, вены вздулись. Он сжимал эти подлокотники так, будто держался за край крыши.

— Нравится? — я подалась вперёд. — Может, подпевать будешь? Хоть как-нибудь…

Он не открыл глаз. Только бровь дёрнулась — та самая, которая в детстве означала: «Двойка. Переписываешь три раза».

— Ладно, Высоцкого мало. Сейчас будет веселее.

Заиграл «Руки Вверх» — песня про студента и девушку. Я вскочила, начала танцевать перед креслом — дёргано, нелепо, как клоун на утреннике. Отчаянно надеясь хоть на какую-то реакцию: улыбку, кивок, что угодно. Хоть моргни по-другому, деда, ну пожалуйста.

Борис Петрович открыл глаза, посмотрел на мои дёргающиеся плечи, потом медленно, с мрачной торжественностью приговора повернулся ко мне спиной. Не просто отвернулся — выстроил барьер. Стену. Меня за эту стену он не пустил.

— Да что с тобой?! — я выключила музыку. Руки тряслись, и я не могла их унять. — Я помочь хочу! Ты слышишь? Помочь!

Он не обернулся. И я стояла в этой тишине — одна, с выключенной колонкой и комком в горле — и думала: а может, я не помогаю? Может, я просто не могу выдержать его молчание и потому пытаюсь чем-то его заполнить? Чем угодно — котами, Высоцким, «Руки Вверх». Чем угодно, лишь бы не было тишины.

Идея снять видео пришла в воскресенье.

Я листала «ТикТок» — просто листала, без задней мысли — и наткнулась на ролик: девушка учит дедушку делать селфи. Дед смеётся, кривляется, говорит: «Какая же ты дура, внучка». Куча лайков. Комментарии: «Милые», «Слёзы счастья», «Хочу так же с бабушкой».

И меня как током ударило. Почему нет? Почему у них — получается, а у меня — нет?

— Смотри, — я сунула телефон деду. — У людей получается. Почему у нас нет?

Борис Петрович прочитал заголовок. Взял ручку. Вывел:

«ПОТОМУ ЧТО Я НЕ КЛОУН»

У меня перехватило дыхание. Прямо физически — как удар под дых.

— Я не говорю, что ты клоун! — выпалила я, оправдываясь, и ненавидела себя за то, что оправдываюсь. — Просто милое видео. Ты улыбнёшься, скажешь «привет» — мы выложим. Это и тренировка речи, и… может, кто-то из специалистов поможет бесплатно. Подписчики подтянутся.

Он смотрел на меня долго. Так смотрят на ученика, который заявил, что «Войну и мир» можно заменить кратким содержанием. В этом взгляде было разочарование и усталость — настолько тяжёлые, что мне стало нечем дышать. Будто воздух в комнате сгустился и давил на лёгкие.

Потом он вывел на бумаге:

«ТЕБЕ ВАЖНЫ ЛАЙКИ, А НЕ Я»

Я покраснела. Не от обиды — от стыда, который я пыталась не замечать, но который прожигал насквозь. Щёки горели, уши горели, всё лицо — пожар. И некуда было спрятаться.

— Ничего я не хочу, — почти выкрикнула я. — Я хочу, чтобы ты заговорил! Врач сказал — занятия каждый день. Мои методы — тоже методы. Я блогер, я аудиторию с нуля подняла за полгода. Если я могу канал про помады раскрутить, то и деда смогу!

Господи, Алёна. Ты серьёзно только, что сравнила деда с помадой?

Но я уже не могла остановиться. Схватила телефон, навела камеру, выдавила самую «вайбовую» улыбку — ту, что отрабатывала перед зеркалом, по полчаса, пока не нашла идеальный угол.

— Привет, мои хорошие! Сегодня особенный выпуск. Мой дедушка, Борис Петрович, бывший учитель русского языка, перенёс инсульт. Мы не сдаёмся! Сейчас он скажет «привет». Поддержите его лайками!

Повернула камеру на деда.

— Давай, дедуль. Скажи «привет».

Борис Петрович сидел неподвижно. Вены на шее вздулись — будто внутри поднималась волна, которую он сдерживал из последних сил.

— Ну, деда! — я шагнула ближе, телефон почти уткнулся ему в лицо. — Один звук. Просто «а». Как в больнице. «А-а-а». Мы верим в тебя!

Я ещё не понимала, что переступила черту. Что ласкательное «дедуль» в этом тоне звучало как приказ. Что камера в сантиметре от лица человека, который не может вымолвить ни слова, — это не помощь, а давление. Что я веду себя ровно так, как тот парень из ролика, который поёт «Кузнечика» на похоронах — только похороны были у моего деда, и кузнечиком была я.

Борис Петрович смотрел в объектив. Секунду. Две.

Его правая рука — та, что слушалась лучше, — вдруг рванулась вверх. Резко. Точно. Я не успела среагировать — даже моргнуть не успела. Телефон вылетел из пальцев, описал дугу, стукнулся о стену и упал экраном вниз.

В тишине щёлкнуло треснувшее стекло. Этот звук — тихий, хрустящий — был самым громким, что я слышала за неделю.

Я стояла, раскрыв рот. Смотрела на разбитый телефон, потом на деда. Он тяжело дышал, плечи поднимались и опускались. Губы дрожали. В глазах была не злость — горечь. Такая глубокая, что смотреть на неё было физически больно, будто мне в глаза светили прожектором.

Медленно, будто каждое движение давалось с усилием, он потянулся к блокноту и вывел последнюю фразу в тот день. Буквы были кривыми, почти нечитаемыми, но я разобрала:

«УЙДИ»

Я ушла.

Глава 3. Контент-план для коматозника

На лестничной площадке я просидела минут сорок.

Телефон выжил. Экран треснул по диагонали, но работал — на заставке по-прежнему улыбалась я сама в блёстках, только теперь прямо по лицу проходила трещина. «Символично», — подумала я и впервые в жизни не захотела пошутить по этому поводу.

Холодный подоконник, запах подъезда — пыль, цемент, чей-то чужой ужин за дверью. Я сидела, втягивала носом этот запах и думала: что я делаю на лестничной клетке сорок минут, как подросток, которого выгнали из класса? Мне двадцать три. Я самостоятельная. Я блогер с аудиторией. Я…

Нет. Я дура, которая сунула камеру в лицо человеку, который не может сказать ни слова.

На заставке —всё тоже фото в кепке и с блёстками: «365 дней с вами, спасибо за любовь». Сейчас эта девушка казалась мне чужой, живущей в другой вселенной, где разбитые экраны — это метафора, а не реальность. Где лайки лечат. Где «дедуль» — милое слово, а не приказ.

— Дура, — прошептала я. — Какая же ты дура, Алёна.

Я зашла в квартиру. Было темно и тихо, только за кухонным окном толпились призраки ночного города.

Слеза, появилась сама собой и скатилась по щеке. Я вытерла её тыльной стороной ладони — грубо, будто хотела стереть не слезу, а само признание. И вдруг поняла — не умом, а чем-то глубже, чем-то под рёбрами, где живёт правда: лайки, просмотры, комментарии — это не помощь. Это подмена. Я не помогала ему говорить — я заставляла его молчать на камеру. Для подписчиков. Для себя.

Настоящая помощь — это терпение. Внимание. Просто присутствие рядом. Просто сидеть рядом и молчать. Молчать вместе.

За стеной Борис Петрович сидел в кресле и смотрел в потолок. Он пытался мысленно произнести старую фразу — ту, что говорил мне каждый раз, когда я сдавалась: «Всё наладится. Всему можно научиться. Главное — не бросать». Но слова рассыпались где-то на полпути. Там, где раньше была речь, теперь была чёрная дыра и внучка только что посветила в неё камерой и попросила улыбнуться.

Он закрыл глаза. Впервые за шестьдесят восемь лет он не знал, что сказать. Даже себе.

Но в этой тяжёлой, осязаемой тишине что-то сдвинулось. Не физически — в душе. Он почувствовал: он не один в этой борьбе. Да, она ошиблась. Да, переступила черту. Но она пыталась. Она танцевала перед его креслом, как клоун, и совала ему котов на пылесосе, и пела «Кузнечика» — всё для того, чтобы он хоть раз шевельнул губами. Это ведь тоже любовь. Уродливая, неуклюжая, фальшивая по форме — но настоящая по сути.

Через полчаса я пошла к нему. Подошла к креслу, села на пол рядом, прислонилась к подлокотнику. Плитка была холодной, и я почувствовала, как холод поднимается по ногам, но не двинулась.

— Деда, — мой голос дрожал, и я не стала это скрывать, не стала прятаться за бодростью, — прости меня. Я не знала, как правильно. Я просто… очень боюсь тебя потерять.

Борис Петрович открыл глаза. Медленно повернул голову. Его правая рука — та, что слушалась лучше, — опустилась мне на волосы: осторожно, невесомо, как будто он боялся, что я рассыплюсь.

Я подняла взгляд. В его глазах больше не было горечи. Только усталость — и что-то ещё. Что-то похожее на прощение. Или на обещание: «Я никуда не денусь».

— Давай попробуем по-другому, — прошептала я. — Без камеры. Без лайков. Просто ты и я. Хорошо?

Он слегка кивнул.

И в этот момент, между нами, что-то восстановилось. Не слова — пока нет. Но связь, которая была крепче любых фраз. Связь, которую не могли разрушить ни болезнь, ни ошибки, ни треснувший экран.

Я взяла его руку в свои ладони. Горячая, сухая, с набухшими венами — та самая, что недавно швырнула телефон в стену, а сейчас лежала у меня в ладонях, подрагивая как птица, которую поймали и не знают, как держать, чтобы не повредить.

— Я здесь, деда. Я с тобой.

И в этой тишине, в этом простом прикосновении было больше смысла, чем во всех видео, которые я когда-либо снимала.

Борис Петрович сидел в кресле и смотрел в стену — взгляд ушёл куда-то сквозь, в пространство, где не было ни телефонов, ни камер, ни блогеров с их вечными улыбками.

— Деда, — сказала я… ну, извини.

Он не ответил. И не написал. И я не знала, что хуже — когда он молчит от бессилия или когда от обиды. Второе, поняла я. Второе — гораздо хуже.

Я постояла, вздохнула и пошла на кухню варить гречку. На этот раз без музыки, без комментариев, без бодрого голоса. Просто гречка. Просто вода. Просто тишина, в которой я слышала, как скрипит его кресло, как он дышит — шумно, прерывисто, как старый механизм, которому не хватает смазки.

Следующие два дня прошли в молчании. Буквальном. Борис Петрович не произнёс ни звука. Он не писал записок, даже не смотрел в сторону блокнота. Он ел, пил, ходил в туалет, садился в кресло и смотрел в окно. Автоматически. Точно. Как будто выполнял программу, в которой не было предусмотрено команды «говорить».

Я чувствовала себя предметом. Нужным, но неодушевлённым. Как тумбочка у кровати — без тумбочки неудобно, но она не разговаривает, и от этого не становится хуже. Я листала ленту, чтобы отвлечься, и каждый пост о «счастливой старости» и «бабушках-блогершах» бил по самолюбию. Вот девушка танцует с дедом под «Ласковый май». Вот парень научил бабушку пользоваться «ТикТоком», и она набрала тысячи подписчиков. Вот целое семейство поёт песню на кухне, и дедушка в центре кадра — такой милый, такой живой, такой *говорящий*.

«Говорящий», — подумала я с такой горечью, что челюсти свело. Повезло же кому-то.

Я уже почти решила сдаться. Ну не вышло. Ну и ладно. Не все деды одинаково полезны для контента, Алёна. Не все истории заканчиваются хэппи-эндом. Некоторые заканчиваются разбитым экраном и словом «УЙДИ» на бумаге. Я почти смирилась — когда наткнулась на аккаунт «Бабушка Зина из Саратова».

У бабушки Зины было тридцать тысяч подписчиков. Она сидела в инвалидной коляске, плохо видела, но каждое утро записывала видео: «Здравствуйте, мои хорошие!» — и читала стихи. Простые, незамысловатые: «Берёзки», «Белеет парус одинокий». И люди смотрели. Комментарии: «Спасибо за тепло», «Бабушка Зина, вы нас спасаете», «Плачу каждый раз».

Я пролистала дальше. Третье видео: «Как мы с бабушкой Зиной восстановили речь после инсульта». На экране — молодая девушка, внучка. Сначала плакала. А потом придумала: «А давайте вы будете читать стихи для моих подписчиков?» И бабушка Зина заговорила. Сначала по слогам, потом целыми фразами. Через три месяца читала «Евгения Онегина».

— Внучка сказала: «Тебе есть что сказать, бабуля. Просто тебе нужны слушатели», — закончила девушка в видео и улыбнулась. Двадцать тысяч лайков.

Я отложила телефон и уставилась в потолок. Сердце колотилось — не от восторга, а от стыда. Они не стеснялись. Они просто взяли и сделали. А я? Я пыталась разговорить деда мемами про кота на пылесосе. Деда, который сорок лет учил детей русскому языку. Котом. На пылесосе. Да чтоб мне!

Я встала, прошла в комнату. Дед, как всегда, сидел в кресле.

— Деда, — сказала я тихо. — Я придумала план. Не смейся.

Он не засмеялся. И не отвернулся. Это уже было лучше, чем ничего.

— Я видела одну бабушку. Она читала стихи на камеру и заговорила. Понимаешь? Она просто… говорила. Потому что знала, что её слушают. Не просто так, а по-настоящему.

Борис Петрович молчал. Но в глазах что-то дрогнуло — не жалость, не интерес. Что-то похожее на внимание. Он слушал. Впервые за два дня — по-настоящему слушал.

— Ты же учитель. Ты всю жизнь говорил. Ты даже меня научил: «жи-ши пиши через и». Неужели ты можешь просто взять и замолчать навсегда? Это же будешь не ты.

Пауза. Дед взял блокнот. Рука дрожала, но он написал:

«А ты будешь слушать? Не снимать, а слушать?»

Я прочитала — и у меня перехватило дыхание. Это было самое честное, что он написал за всё время. И самый страшный вопрос. Не «зачем мне это». Не «отстань». А «ты будешь слушать». Как будто он всё это время ждал не терапии, не упражнений, не челленджа — а одного слова. Одного простого, честного слова.

— Буду, — сказала я. — Обещаю. Только начни. Пожалуйста.

Он посмотрел на меня долгим взглядом — тем самым, от которого в школе хотелось провалиться сквозь пол. Потом написал:

«Что ты предлагаешь?»

Я улыбнулась — первый раз за три дня. Настоящей улыбкой, не «вайбовой», не отрепетированной перед зеркалом. Просто улыбкой.

— Я предлагаю контент-план. Не смейся, деда. Я серьёзно. Мы будем снимать уроки. Как ты учишь меня говорить. Не меня — а всех. В смысле, мы вместе будем делать упражнения,

повторять звуки, слова. А люди будут смотреть и учиться. И ты… ты будешь не «больной дедушка», а «учитель Борис Петрович». Понимаешь?

Он написал:

«Ты хочешь лайков»

— Нет, — сказала я твёрдо. И удивилась, как твёрдо это прозвучало. — Я хочу, чтобы ты заговорил. Лайки — это… это бонус. Но если честно, да — я хочу, чтобы нас смотрели. Потому что, если ты поможешь кому-то ещё, — это же круто? Ты всегда хотел помогать. Ты же учитель.

Дед смотрел на меня. Потом взял ручку и написал медленно, почти печатными буквами:

«ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК УНИЗИТЕЛЬНО ПЫТАТЬСЯ СКАЗАТЬ: „ЗДРАВСТВУЙТЕ" И ВЫДАВАТЬ ВМЕСТО СЛОВ КАШУ?»

Горло сжалось. Я знала. Видела — в больнице, когда он пытался произнести моё имя. Я видела, как его язык упирался в нёбо, в зубы, как он выдыхал вместо слова — сухой, хриплый треск.

— Знаю, — сказала я. — Видела. В больнице, когда ты пытался сказать моё имя. Но я всё равно его услышала. Не звук — а то, что ты хотел меня позвать.

Он замер. Секунду смотрел на меня. Потом закрыл глаза и кивнул. Один раз. Коротко. Это был не ответ «да». Это был ответ «я подумаю». Но я знала — у учителя русского языка слово «подумаю» часто означало «хорошо, уговорила, но виду не подам».

Вечером, без предупреждения, пришёл Костя. Вошёл с двумя пиццами и улыбкой, которая означала: «Я пришёл спасать ситуацию, потому что без меня вы пропадёте». От него пахло пепперони и дезодорантом, слишком громко, как и всё, что он делал.

— Ну что, блогерша, — сказал он, перешагивая порог. — Где твой звёздный дед?

Я зашипела на него, как рассерженная кошка:

— Тише. Он спит.

— О, проснулся, — Костя заглянул в комнату, где Борис Петрович сидел с книгой. — Здрасьте, Борис Петрович! Слышал, вы у нас звезда интернета?

Дед поднял на него глаза. Взгляд был такой, что Костя за секунду скис и убрал улыбку. Я видела, как дед окинул его взглядом — сверху вниз, как ученика у доски, не выучившего урок. Профессиональный, оценивающий, безжалостный. Даже без единого слова.

— Ладно, ладно, — пробормотал Костя. — Спите дальше.

На кухне я выложила ему свой план. Про «уроки», про канал, про то, что дед будет не «больным», а «учителем». Костя слушал, жевал пиццу и кивал — слишком небрежно, и это меня раздражало.

— Идея рабочая, — сказал он, когда я закончила. — Но есть нюанс. Твой дед — старый, злой и не хочет сниматься. Как ты его заставишь?

— Я не буду заставлять. Я предложу.

— О, наивная, — Костя откинулся на стуле, и стул скрипнул под его весом. — Контент не делается на добровольных началах. Контент — это дисциплина. Ты ему должна сказать: «Деда, если ты не откроешь рот, я не куплю тебе новые шахматы». Или: «Деда, твои подписчики ждут, ты их не подведёшь?» Или просто: «Деда, у нас договор». Он должен чувствовать ответственность.

— Он *ничего* не должен, — отрезала я. — Он болен.

— А ты хочешь, чтобы он заговорил или нет? — Костя отложил пиццу. — Выбирай: либо терапия с лайками, либо молчание с любовью. Третьего не дано.

Я хотела возразить. Открыла рот — и осеклась. Потому что в чём-то он был прав. Я уже пробовала «молчание с любовью» — два дня тишины, и дед не сдвинулся ни на шаг. А «терапия с лайками» хотя бы давала надежду. Мерзкую, циничную, пахнущую пепперони — но надежду.

— Ладно, — сказала я. — Что предлагаешь?

— Челлендж, — Костя достал свой телефон и открыл «ТикТок». — Смотри. Есть тренд: «Верни голос близкому». Ты снимаешь, как дед пытается повторить за тобой звуки. Каждый день новый ролик. Люди донаты кидают, комментируют, поддерживают. Он чувствует, что он не один. И постепенно… ну, ты поняла.

— А если не получится?

— Получится. У тебя дед — упёртый. Я таких знаю. Упёртые быстрее встают на ноги, потому что бесят всех вокруг и доказывают, что они не инвалиды.

Я усмехнулась. В этом было зерно правды — выточенное грубо, но верно.

— Но без фальши, — сказала я. — Никаких «дедуля, скажи „привет"» с подставной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.